ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ПАЛЬТО ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Первое дело из цикла

«Вера Круглова. Вещи с историей»

Роман Штерн

Пальто до востребования

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Пальто до востребования / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

В Доме культуры небольшого города убит оценщик, а в чужом пальто находят вещи покойного мастера и пропавший экспонат. Заведующей гардеробом Вере Кругловой придётся признать собственную ошибку и проследить путь вещей, прежде чем подозрение погубит невиновного.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Два номера 6
Глава 2. Собрание 12
Глава 3. После сирены 22
Глава 4. Чужое пальто 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Роман Штерн
Пальто до востребования

От автора

Спасибо, что выбрали именно эту книгу. В мире, где у каждого из нас так мало времени, Ваше решение открыть эти страницы значит для меня очень многое. Пока Вы читаете, история перестаёт принадлежать только автору — она становится нашей общей. И за это я благодарю Вас от всего сердца.

Глава 1. Два номера

В ноябре две тысячи двадцать пятого года гардероб Дома культуры «Речник» оставался единственным помещением, где, по мнению Веры Кругловой, всё ещё зависело от человеческой аккуратности, а не от формулировки в служебной записке.

Она пришла без четверти восемь, сняла перчатки у служебного входа и сразу почувствовала, что за ночь в здании стало холоднее. Батареи едва теплились. В зрительном зале ещё вчера поставили два электрических обогревателя, но гардероб, как обычно, считался местом, где люди находятся недолго и могут потерпеть.

Вера отперла решётчатую стойку, включила верхний свет и поморщилась. Одна лампа загорелась сразу, вторая помигала и осталась тусклой. Два ряда пустых крючков вытянулись вдоль стен. На нижней перекладине висели плечики с маленькими номерными бирками, на стойке лежали жетоны, цифры на которых Вера каждую осень подновляла белой краской.

Она пересчитала их не потому, что сомневалась, а потому, что так начинала смену уже тридцать первый сезон. В сентябре исполнилось ровно тридцать лет, как она пришла сюда из закрытого швейного участка. Сама дата никого не заинтересовала. Марина Ильинична поздравила её с профессиональным праздником работников культуры, Лидия принесла пирог, а про Верины тридцать лет вспомнили только ближе к вечеру, когда понадобилось открыть старый шкаф.

В пятьдесят восемь лет странно было обижаться на то, что тебя не замечают, если ты сама приучила всех замечать лишь неполадки.

Вера прошла вдоль первого ряда, потом вдоль второго. У боковой двери в служебный коридор остановилась и проверила задвижку. Дверь была закрыта, ключ висел у неё на шнурке под стойкой. В обычные дни ею пользовались редко: Лидия приносила оттуда хозяйственные мелочи, артисты проходили к залу, если в вестибюле теснились зрители. Сегодня дверь наверняка станут дёргать каждые десять минут. На вечер назначили собрание о будущем «Речника», и городское объявление обещало «открытое обсуждение вариантов оптимизации площадей».

Слово «закрытие» в объявление не попало.

У стыка двух секций Вера снова увидела то, что заметила ещё вчера. После ремонта деревянной планки два крючка поставили на место, а номера над ними приклеили неправильно. Первый ряд заканчивался здесь сорок шестым, второй шёл навстречу и у стыка доходил до шестьдесят четвёртого. На свежей рейке теперь висели бумажные прямоугольники: над плечиками с маленькой биркой «46» было крупно написано «64», а над плечиками «64» — «46».

Вчера плотник заклеил бумажки сверху широкой прозрачной лентой, чтобы не отвалились. Получилось крепко и неверно.

Вера провела ногтем по краю ленты. Та не поддалась. Можно было взять нож, срезать всё и написать заново, но тогда на новой краске остались бы липкие полосы. К тому же маленькие бирки на плечиках были правильными, жетоны тоже. Нужно было лишь не хватать вещь по крупному номеру над крючком, а посмотреть на бирку, как она и всегда делала.

После собрания она принесёт из дома узкий малярный скотч и исправит всё аккуратно.

Вера достала рабочую тетрадь, открыла последнюю страницу и записала: «46/64 — заменить временные номера». Подчеркнула один раз. Этого было достаточно.

Она как раз ставила коробку с жетонами на место, когда в служебном коридоре звякнули ключи. Лидия Петровна Бурова вошла боком, прижимая к груди толстую папку.

— Руку не отморозила? — спросила она вместо приветствия. — У нас там окно опять не закрывается.

— Какое?

— Возле бывшей методической. Я его стулом подперла. До мастера доживёт.

— Стул окно не чинит.

— Зато сквозняк понимает намёк.

Лидия положила папку на стойку. На ней был длинный серо-синий кардиган, который она носила на работе второй год. Тёмные манжеты к рукавам были связаны отдельно, плотной резинкой, и застёгивались изнутри на маленькие пуговицы. Лидия придумала это сама: рукава у светлых вещей пачкались быстро, а манжеты можно было снять и выстирать отдельно.

Правая манжета сегодня немного отвернулась. Лидия поймала её пальцами и застегнула свободную пуговицу.

— Вечером обе сниму, — сказала она. — На этой уже пыль полосой. Из кладовой вчера ящики таскали, будто там уголь.

— Не уголь, а история учреждения.

— История пылит не хуже.

Она раскрыла папку.

— Распишись, что получила новые лампы, три штуки.

— Одну мне поставили.

— Две ушли в малый зал.

— Тогда я получила одну.

Лидия подняла глаза.

— Вер, мы же свои. Лампы выданы на вестибюль и гардероб. Не заставляй меня из-за каждой колбы заводить международную переписку.

— Напиши: одна в гардероб, две в малый зал.

— Я для кого старалась, спрашивается?

Однако исправила. Вера расписалась рядом с единицей.

У дальней стены чуть отошла пластиковая табличка «За ценные вещи администрация ответственности не несёт». Лидия заметила её, ещё не закрыв папку.

— Держи.

Она прижала табличку ладонью, Вера достала из ящика кусок двусторонней ленты. Вместе они выровняли край. Лидия отступила, прищурилась.

— Левый угол выше.

— Полтора миллиметра.

— Вот потому у тебя всё и держится, что ты эти полтора миллиметра видишь.

Вера не ответила. Похвала была приятной, но слишком уж напоминала объяснение, почему ей можно поручать всё, кроме решений.

Лидия заметила перепутанные бумажные номера.

— Опять наши умельцы отличились?

— Я исправлю.

— Напиши поверх.

— Будет неряшливо.

— Значит, после собрания. Сейчас не до красоты.

Она сказала это без нажима, как хозяйственную очевидность, и ушла дальше с папкой.

К девяти в здание приехал оценщик.

Аркадий Ремезов оказался ниже, чем Вера представляла по телефону, и моложе большинства людей, которых в «Речнике» называли приезжими специалистами. На вид ему было около пятидесяти. Он принёс ноутбук, рулетку в жёстком футляре и две папки документов, а пальто повесил не в гардероб, а на спинку стула в бывшей методической комнате.

Там ему устроили временный кабинет. Из комнаты вынесли коробки с нотами, протёрли стол и оставили старый письменный набор, который прежде стоял в директорской: подставку для ручек, лоток и тяжёлый бронзовый пресс для бумаг. Пресс изображал невысокую волну с корабельным носом. У основания металл потемнел, одна грань была сбита.

Когда Вера принесла чайник, Ремезов как раз прижал этим прессом лист описи, чтобы тот не сворачивался после папки.

— Розетка одна, — предупредила она. — Если включите чайник, ноутбук лучше не трогать.

— Автомат выбьет?

— Иногда только розетка плавится.

Он посмотрел на неё, не сразу поняв, шутит она или нет.

— Спасибо. Обойдусь без чая.

В комнате уже были Марина Ильинична и Лидия. На подоконнике лежали старые фотографии и описания трёх предметов: серебристого кубка на тёмной подставке, бронзовых настольных часов и портсигара. Сами предметы оставались в витрине второго этажа: Ремезов осмотрел их там, не вынимая, а теперь сверял увиденное с документами.

Марина говорила быстро:

— Я ещё раз хотела бы уточнить, Аркадий Евгеньевич: речь не идёт о немедленной продаже. Нам требуется определить состояние и ориентировочную стоимость, чтобы учредитель мог рассматривать варианты.

— В задании это указано.

— Просто в городе уже говорят о распродаже.

— В городе могут говорить что угодно. Я фиксирую то, что мне предоставили.

Ремезов не был груб. Он разговаривал так, словно заранее отделил работу от людей и не собирался разрешать им смешаться обратно.

Лидия взяла со стола лист, но он оказался прижат бронзовой волной.

— Это тоже учитывать? — спросила она.

— Пока оставьте всё как есть.

— Да он лет двадцать здесь лежит.

— Значит, ещё час полежит.

Вера поставила чайник у стены и вышла. Дверь оставалась открытой: в методическую заходила секретарь с описями, потом Марина, потом Лидия, потом молодой рабочий, который принёс дополнительный стол. Бронзовый пресс то стоял на листах, то оказывался возле ноутбука. Никто не обращал на него внимания. Тяжёлая вещь, полезная лишь потому, что бумага норовила свернуться.

К полудню в вестибюле стало шумно. Привезли складные стулья из библиотеки, хор пришёл на внеплановую репетицию, а кружок раннего развития выпустил детей на двадцать минут раньше. Вера принимала куртки, шапки, один мокрый шарф и пакет с обувью, который брать не полагалось, но оставлять у батареи было хуже.

Павел Корнеев пришёл после трёх.

Он не снял шапку, пока не подошёл к стойке, и держал под мышкой металлический футляр с инструментами.

— Куда тебя сегодня? — спросила Вера.

— Усилитель посмотреть. Он опять гудит.

— Лидия вызывала?

— Марина.

Ответ прозвучал так, словно это имело техническое значение.

Павел снял серое пальто. Ткань на локтях отливала чуть светлее, воротник был отполирован многими зимами. Вера узнала пальто прежде, чем взяла его в руки. В октябре Павел принёс его ей домой: оторвалась застёжка внутреннего кармана, цепляла подкладку и царапала запястье. Вера перенесла металлическую кнопку на три сантиметра выше, к груди. Заодно укрепила старую штопку под воротником, почти незаметную, пока воротник лежал ровно.

Перед тем как отдать работу, она сфотографировала обе детали для тетради: общий вид воротника и раскрытый внутренний карман с перенесённой застёжкой. Не ради Павла. Она в последние месяцы старалась записывать ремонты так, будто её работа заслуживала учёта не меньше хозяйственных ламп.

— Не тянет теперь? — спросила она.

— Что?

— Карман.

— Нет. Нормально.

От Павла это означало высокую оценку.

Вера взяла плечики с маленькой биркой «46», расправила пальто и повесила их на место под крупным бумажным номером «64». Потом отдала Павлу жетон сорок шесть.

— Не потеряй.

— Я в состоянии сохранить кусок фанеры.

— В прошлый раз ты его сдал вместе с отвёртками.

— Поэтому и сохранил.

Он ушёл к служебной лестнице. Вера отметила в тетради время прихода мастера, потому что Марина просила следить, сколько тот работает. Просьба была неприятная, но Павел вечно забывал оформить часы, а потом спорил об оплате.

Олег Ермолаев появился около половины пятого вместе с двумя женщинами из хора. На площади уже темнело. Двери вестибюля открывались часто, и холодный воздух проходил до стойки.

Олег снял слуховой аппарат, протёр его платком и снова устроил за ухом.

— В автобусе печка свистит, — сообщил он Вере. — Я полдороги думал, это аппарат.

— И что оказалось?

— Печка. Аппарат у меня свистит в другой тональности.

Его пальто было тёмно-серым, почти таким же по длине, как Павлово, и тоже свободным в плечах. При ярком свете их нельзя было назвать одинаковыми: у Олега ткань была темнее, пуговицы крупнее, воротник уже. Но сейчас одна лампа не горела, другая желтила, а в глубине гардероба оба пальто превращались в два тяжёлых серых силуэта.

Вера провела ладонью по воротнику Олегова пальто. Штопки не было. Внутренний карман застёгивался короткой молнией, а не на перенесённую кнопку.

Она взяла плечики с биркой «64» и повесила пальто под бумажным номером «46».

— Ваш жетон.

— Шестьдесят четвёртый?

— Он самый.

Олег поднёс жетон ближе к очкам.

— Я в прошлый раз был семьдесят первый.

— Тот крючок занят детской курткой.

— Тогда всё правильно. Я сегодня закажу такси на восемнадцать двадцать пять. Если собрание затянут, уйду до конца.

— По плану оно в шесть закончится.

— Плановое время я слышал. Фактического пока никто не знает.

Он спрятал жетон в нагрудный карман рубашки и пошёл за хористами.

Вера посмотрела на два соседних крючка. Серые пальто висели почти на одном уровне. Под бумажной цифрой «64» — Павлово, на правильных плечиках сорок шесть. Под бумажной «46» — Олегово, на плечиках шестьдесят четыре.

Она ещё раз подумала, что нужно срезать неверные бумажки сейчас. Но из зала вышла Марина Ильинична.

Деловой жакет у неё был застёгнут неправильно, со сдвигом на одну пуговицу, а на ногах вместо туфель появились белые рабочие кроссовки. Так Марина выглядела к концу любого дня, когда ей предстояло убеждать людей, будто всё идёт по плану.

— Вера Андреевна, выручайте.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто помогите рассадить людей. Первые два ряда для сотрудников и представителей учредителя, дальше свободно. И проследите, чтобы проход не заставляли стульями.

— Я в гардеробе одна.

— До начала ещё двадцать минут. Лида подменит, если кто-то придёт.

— А когда будут говорить про сотрудников?

Марина отвела взгляд к стеклянным дверям.

— Сегодня обсуждаем здание в целом.

— Мы в нём не в целом работаем.

— Вера Андреевна, я понимаю вашу тревогу. Но пока никаких решений по штатному расписанию нет.

— А предварительные?

— Это разные расчёты. Они ещё не утверждены.

— Ясно.

На самом деле ясно не было. Уже неделю ходили разговоры, что второй этаж закроют, кружки расселят по школам, а часть работников переведут на половину ставки. Гардероб в безопасном крыле вроде бы оставался, но никто не сказал Вере, на сколько часов и месяцев.

Марина чуть понизила голос:

— Пожалуйста. Вы людей знаете, они вас послушают. Просто помогите рассадить.

Просто помочь означало уйти со своего места, найти дополнительные стулья, успокоить тех, кому не хватило первых рядов, и не задавать вопросов до тех пор, пока ответы уже ничего не изменят.

Вера взяла ключ от боковой двери.

— Хорошо. Только недолго.

— Спасибо. Я знала, что на вас можно положиться.

Марина поспешила в зал.

Вера закрыла тетрадь. Ей хотелось позвать директора обратно и спросить, почему на неё можно положиться, а рядом поставить нельзя. Но из коридора уже несли ещё шесть стульев, и один царапал стену металлической ножкой.

Она вышла из-за стойки.

В зале пахло мокрой одеждой, старым деревом и пылью от занавеса. Первые ряды быстро заполнялись. Вера пересаживала людей, освобождала проход, показывала, куда поставить складные стулья. Знакомые кивали ей и сразу просили о чём-нибудь ещё: придержать место, найти розетку, позвать Марину, передать записку руководителю хора.

Когда она вернулась в вестибюль, до начала оставалось несколько минут. У стойки стояла Лидия, а рядом Марина и Ремезов.

Оценщик держал папку под мышкой. Пальто он так и не надел, только обмотал шею шарфом: в зале было немногим теплее методической.

— Аркадий Евгеньевич, — говорила Марина, — может быть, не стоит сейчас употреблять слово «несоответствие»? Люди и так настроены нервно.

— На собрании я вообще не собирался обсуждать отдельные предметы.

— Но предварительно вы можете сказать, насколько всё серьёзно?

Ремезов посмотрел сначала на неё, потом на Лидию.

— Я обнаружил не одно расхождение, как предполагалось утром. Их три. Существенных.

Лидия медленно закрыла хозяйственную папку.

— Существенных в каком смысле?

— В том, что предоставленные предметы не соответствуют части прежних описаний и фотографий.

— Может, описания старые, составлены кое-как. У нас раньше половину бумаг от руки писали.

— Может. Поэтому я и не делаю выводов на ходу.

— То есть никакой пропажи вы не установили?

— Я не устанавливаю пропажи. Я фиксирую расхождения. Завтра утром оформлю замечания письменно и передам заказчику.

Марина сжала губы.

— До утра нельзя ещё раз всё сверить?

— Сверяйте. Только ничего не меняйте в предоставленном комплекте.

Он сказал это негромко, но так, что продолжать разговор было неудобно. Потом кивнул и ушёл в зал.

Вера проводила его взглядом. Слово «три» осталось в вестибюле, хотя дверь за Ремезовым уже закрылась. Три ошибки в старых бумагах могли оказаться обычной запущенностью. Три неверных описания тоже. Но Лидия смотрела ему вслед слишком неподвижно, забыв поправить отвернувшуюся тёмную манжету.

Из зала донёсся шум отодвигаемых стульев. Марина поспешила за оценщиком.

— Начинаем через минуту. Лидия Петровна, документы потом.

Они остались вдвоём.

— Что он нашёл? — спросила Вера.

Лидия очнулась и сунула папку под локоть.

— Увидим. Эти специалисты любят сначала напугать, потом уточнить.

— Он не похож на человека, который пугает ради удовольствия.

— А я и не говорю ради удовольствия. У каждого своя работа.

Она потёрла большим пальцем край манжеты и снова посмотрела на закрытую дверь зала.

— Ничего, Вер. До утра многое ещё можно привести в приличный вид.

Глава 2. Собрание

Лидия произнесла это тем тоном, каким обычно обещала к утру заменить перегоревшую лампу или найти недостающие саморезы. Вера хотела уточнить, что именно та собирается приводить в приличный вид, но в зале за микрофоном дважды постучали пальцем.

— Проверка, раз, раз, — сказал Павел Корнеев. — Работает. Только близко не наклоняйтесь — свистеть будет.

— Вот видишь, — Лидия поправила манжету. — Без нас ни одно собрание не начнётся.

Она первой пошла в зал.

Часы над гардеробом показывали без двух минут пять. Вера вернулась за стойку, проверила, лежит ли на месте тетрадь, и только тогда заметила, что держит ключ от боковой двери в кулаке. Металл успел нагреться. Она повесила ключ на гвоздик под стойкой и посмотрела на серые пальто у стыка секций.

Исправить номера ещё можно было. Снять прозрачную ленту, поменять бумажки местами, прижать как следует. Две минуты, если никто не подойдёт. Но из зала уже потянулся голос Марины Ильиничны:

— Уважаемые коллеги, участники коллективов, жители города…

Вера оставила ножницы в ящике.

Марина начала ровно в пять. Это само по себе должно было внушать надежду, но надежда в зале быстро уступила место словам «варианты», «этапы» и «оптимизация». Они шли одно за другим, ничего не обещая и ничего пока не отнимая.

Вера стояла в дверях, чтобы видеть и зал, и гардероб. На сцене за длинным столом сидели Марина, представитель городского отдела культуры, Ремезов и женщина из управления имуществом, имени которой Вера не расслышала. Павел устроился сбоку у усилителя. Он держал локоть на колене и время от времени поворачивал ручку громкости, когда кто-нибудь начинал говорить не в микрофон, а поверх него.

— Рассматривается сохранение основной деятельности учреждения при сокращении неэффективно используемых площадей, — сказала Марина.

В третьем ряду кто-то спросил:

— Это каких именно?

— Сейчас речь идёт о вариантах.

— У нас кружок на втором этаже. Это неэффективная площадь?

— Я не называла конкретных помещений.

— Так назовите.

Женщина из управления имуществом открыла перед собой папку. Представитель отдела культуры сделал вид, что ему нужно срочно записать дату. Марина выдержала паузу.

— Техническое состояние второго этажа требует отдельных решений. До завершения обследования говорить о полном режиме эксплуатации преждевременно.

— А отопление мы тогда зачем оплачиваем? — раздалось справа.

— Именно поэтому и обсуждаем оптимизацию расходов.

Слово вернулось на своё место, ничего не объяснив.

Вера взглянула на Лидию. Та сидела у прохода, положив хозяйственную папку на колени. Если её и тревожили три расхождения, по лицу этого уже нельзя было понять. Она наклонилась к уборщице Зое Семёновне, что-то тихо сказала и показала глазами на незакрытую форточку. Зоя встала.

Всё продолжало работать. В этом Лидия была права: пока один человек говорил о неэффективных площадях, другой шёл закрывать форточку, чтобы не дуло детям в первом ряду.

Марина переключила слайд. На экране появилась схема здания, разделённая на зелёную, жёлтую и серую части.

— В качестве базового рассматривается сохранение зрительного зала, помещений первого этажа и части кружковых комнат. Отдельные направления могут быть временно размещены на других муниципальных площадках.

— На каких? — спросил руководитель танцевального коллектива.

— Перечень уточняется.

— То есть никаких пока нет.

— Переговоры ведутся.

Вера хорошо знала этот голос Марины. Таким голосом директор сообщала перед концертом, что костюмы будут доставлены, хотя машина ещё не выехала. Иногда костюмы действительно доставляли. Иногда Вера до полуночи отпаривала то, что привезли вместо них.

На экране внизу таблицы виднелись цифры, слишком мелкие из дверей. Марина быстро перевела слайд. Вера успела заметить только три столбца и тёмную строку под ними. На мгновение ей показалось, что в последнем столбце сумма была почти вдвое меньше первой, но проверить она не успела. О штатах директор не сказала ни слова.

Ремезов сидел неподвижно, сцепив пальцы поверх папки. Его пригласили, очевидно, ради имущества, но пока вопросы задавали о батареях, детских кружках и тарифах. Оценка вещей существовала где-то рядом с разговором, как ведро под протекающей крышей: все знали, зачем оно стоит, однако смотреть туда не хотели.

Минут через двадцать женщина из управления имуществом объяснила, что любое решение по отдельным предметам будет приниматься после проверки их статуса, учёта и допустимого порядка распоряжения.

— Так вы продавать будете или нет? — спросил мужчина с заднего ряда.

— В отношении части имущества рассматриваются разные способы дальнейшего использования, — ответила она.

— Опять варианты.

— Потому что до завершения проверки конкретное решение было бы преждевременным.

— А оценщик тогда зачем?

Ремезов подвинул к себе микрофон.

— Чтобы определить стоимость тех предметов, которые предоставлены на оценку, и зафиксировать существенные обстоятельства, влияющие на неё.

— Вы уже определили?

— Работа не закончена.

— Но вы всё тут дёшево посчитаете, а потом скажете, что содержать невыгодно, — произнёс Павел от усилителя.

В зале зашевелились. Марина повернула голову.

— Павел Викторович, вопросы после выступлений.

— Я вопрос и задаю. Почему мой станок записали почти как металлолом?

Ремезов посмотрел на него без раздражения, но и без желания сделать вид, будто не понял.

— Ваш станок не включён в муниципальную опись.

— А цену вы ему назвали.

— По вашей просьбе. Предварительно.

— За такую цену сейчас один двигатель не купишь.

— Тогда не продавайте.

Несколько человек обернулись на Павла. Он встал, оставив ладонь на спинке стула.

— Мне его вывозить велят, потому что склад освобождают. Покупатель предлагает ровно то, что услышал от вас. Очень удобно получается.

— Покупатель при разговоре не присутствовал, — сказал Ремезов. — Если вы сообщили ему мою предварительную оценку, это было ваше решение.

— Я сообщил, потому что думал, вы считаете оборудование, а не ржавчину по весу.

— Я учёл состояние, комплектность и возможность использования.

— Он рабочий.

— После ремонта, которого пока не было.

Павел шагнул к столу. Усилитель без его руки тихо загудел.

— Там подшипник заменить. Это не ремонт станка, это расходник.

— Тогда замените и закажите отдельную оценку.

— За какие деньги?

Ремезов помолчал.

— Это уже не вопрос ко мне.

Фраза была справедливой и потому прозвучала хуже грубости.

Марина подняла ладонь.

— Давайте не смешивать частные обстоятельства Павла Викторовича с повесткой собрания.

— Так вы сами всё смешали, — сказал Павел. — Мой станок третий год у вас стоит, потому что я здесь оборудование чиню. Теперь помещение понадобилось, и он вдруг всем мешает.

— Он хранится временно и принадлежит вам, — отчётливо произнёс Ремезов. — Именно поэтому его нельзя включить в перечень имущества учреждения. Ни для повышения общей стоимости, ни для продажи, ни для списания. Если вы спорите с моей оценкой вашей вещи, оформляйте это отдельно.

— Я ничего вам не разрешал продавать.

— Я и не утверждал обратного.

— Зато цену уже растащили по городу.

— Павел Викторович, — вмешалась Марина, — сядьте, пожалуйста.

Он смотрел на Ремезова ещё несколько секунд. Потом резко развернулся и задел стул. Тот ударился ножкой о пол.

Вера знала Павла с тех времён, когда он приходил к отцу после смены и ждал в мастерской, пока Виктор закончит работу. Он не умел спорить тихо, особенно если речь заходила о деньгах. От этого чужим людям казалось, что он угрожает, хотя чаще он просто не находил следующей фразы.

Теперь следующая фраза нашлась.

— Вы сначала с тем, что вам дали, разберитесь, — сказал Павел. — А потом моё оценивайте.

Вера увидела, как Лидия подняла голову.

Ремезов закрыл папку.

— Именно этим я и занимаюсь.

Павел сел. Марина объявила, что частные вопросы будут рассмотрены после собрания, и предоставила слово представителю отдела культуры. Тот начал говорить о доступности услуг для населения.

Вера вернулась в гардероб. В зале стало душно, а у стойки по-прежнему тянуло холодом. Она расправила тетрадь и записала на полях: «После собрания — номера 46/64». Для верности обвела дважды.

Около без четверти шесть в вестибюль вышел Олег Ермолаев. Слуховой аппарат у него едва заметно посвистывал; Олег прикрыл ухо ладонью, убавил настройку и достал телефон.

— Закончили? — спросила Вера.

— Репетицию — да. Собрание, судя по голосам, ещё только разминается.

Через плечо у него висела потёртая сумка с нотами. Олег надел очки, открыл приложение такси и стал нажимать на экран осторожно, будто каждая кнопка могла изменить маршрут без предупреждения.

— Вы же заказывали на двадцать пять, — напомнила Вера.

— Предварительно. Проверяю, всё ли в силе. Заказ стоит на восемнадцать двадцать пять плюс-минус три минуты. Но эти три минуты они считают своими, а не моими.

— Автобус в сорок.

— На автобусе я потом час буду слышать двигатель вместо хора. И сумку некуда поставить.

Он показал экран, хотя Вера не собиралась проверять заказ.

— Заказ на месте. Водителя пока не назначили.

— До двадцати пяти ещё больше получаса.

— Мне наверху папку собрать. И с Сергеем Палычем ноты сверить, если он не ушёл.

Олег убрал телефон.

Из зала донеслось: «До конца финансового года». Кто-то ответил сразу с двух мест. Олег поморщился и поправил аппарат.

— Вы останетесь? — спросил он.

— Мне одежду выдавать.

— Это я понимаю. Само здание останется?

— Если бы я знала.

— Значит, и вам не сказали.

— Мне сказали, что рассматриваются варианты.

— Тогда всё серьёзно.

Он произнёс это без усмешки. Подхватил сумку снизу и направился к служебной лестнице, которой хористы пользовались, когда не хотели проходить через зал.

Вера посмотрела ему вслед. По ступеням он поднимался медленно, придерживаясь за перила. Правое ухо, где стоял аппарат, было обращено к стене, и шаги наверху он, вероятно, различал хуже. Она подумала, что надо бы включить свет на лестничной площадке, но там уже горела одна из двух ламп.

Без десяти шесть Ремезов вышел из зала. В руках у него были папка и очки. Он остановился у стойки, протёр линзы краем шарфа и спросил:

— Боковая дверь в служебный коридор открыта?

— Закрыта. Вам в методическую?

— Да. Хочу закончить записи, пока не начали выдавать всё сразу.

Вера сняла ключ с гвоздика.

— Через зал ближе.

— Там вопросы.

Как раз в этот момент из-за двери крикнули:

— Аркадий Евгеньевич, вы по часам ничего не сказали!

Ремезов надел очки.

— Вот именно.

Вера отперла боковую дверь гардероба и выпустила его в служебный коридор. Оттуда до методической было меньше минуты: по коридору мимо кладовой, затем вверх по служебной лестнице, к старому стенду с фотографиями речников.

— Закрыть за вами?

— Я потом через главный выйду.

— Пальто у вас не в гардеробе.

— Помню. Оно в комнате.

Он пошёл по коридору, прижимая папку к боку. Вера закрыла дверь, но не заперла: сотрудники ещё ходили между помещениями. На часах было без девяти шесть.

В зале тем временем заговорили о передаче кружков. Марина повторяла, что окончательных решений нет. Люди слышали в этой фразе каждый своё: одни — надежду, другие — подтверждение худшего.

Вера выдала две детские куртки женщине, которая решила уйти раньше, потом нашла шапку под лавкой. Мальчик уверял, что шапка не его, пока мать не показала пришитую изнутри фамилию.

В шесть собрание не закончилось.

Наоборот, к дверям подошли ещё четверо. Они опоздали, потому что автобус с Заречной улицы задержался. Тяжёлая створка в зал тёрла по полу и сама не держалась: доводчик сняли неделю назад, новый ещё не поставили.

— Вера Андреевна! — позвала Марина изнутри. — Помогите, пожалуйста, дверь придержать. Там стулья у прохода.

Вера оглянулась на гардероб. Никого у стойки не было.

Часы показывали пять минут седьмого.

Она вышла, упёрлась плечом в створку и стала пропускать опоздавших. Один мужчина тащил складной стул, женщина за ним отряхивала с рукавов мокрый снег. Из зала просили закрыть дверь, потому что тянуло. Снаружи просили не закрывать, пока все не войдут.

Лидия появилась из-за спины Веры. Хозяйственную папку она оставила на стуле у прохода. В руке у неё была сложенная в несколько раз серая салфетка в синюю клетку — одна из тех, что пачками лежали в кладовой.

— В гардеробе батарея опять холодная? — спросила Лидия.

— С утра еле тёплая.

— Я посмотрю, вентиль не зажали. А то ночью прихватит.

— Боковая дверь открыта, — сказала Вера. — Только не запирай. Ремезов через коридор ушёл.

— Знаю.

Лидия не пошла к стойке через вестибюль. Она свернула в узкий проход вдоль правой стены зала. В конце прохода служебная дверь выводила в тот же коридор, куда Вера недавно выпустила Ремезова. Оттуда Лидия могла войти в гардероб через боковую дверь, минуя стойку.

Вера ещё раз придержала створку. Пришедшая последней женщина никак не могла сложить зонт. Металлическая спица зацепилась за подкладку сумки.

— Не рвите, — сказала Вера. — Подайте сюда.

Она высвободила спицу и закрыла зонт. Потом переставила два стула, чтобы освободить проход, и лишь тогда вернулась к стойке.

Лидия стояла у батареи спиной к крючкам. Салфетку она теперь скомкала в руке.

— Ну что? — спросила Вера.

— Вентиль открыт. Воздух, видно. Завтра сантехника дёрну.

— Долго ты его осматривала.

— А ты засекала?

— Нет.

— Тогда откуда долго?

Лидия улыбнулась, но Вере улыбка не понравилась. Не потому, что в ней было что-то особенное, а потому, что вопрос прозвучал как упрёк за самый обычный интерес.

— Я думала, ты уже ушла в зал.

— Хотела вытереть за батареей, раз полезла. Там пылища. Салфетку выброшу.

Она подняла скомканную ткань и вышла через боковую дверь в служебный коридор.

— Папка у тебя на стуле, — напомнила Вера.

— Заберу.

Вера посмотрела за батарею. В тусклом свете там ничего нельзя было разобрать, кроме серой трубы и клочьев старой краски на стене. Проверять рукой она не стала. На крючки тоже не посмотрела: пальто висели ровно, бумажные номера оставались на месте. Лидия хозяйством заведовала двадцать лет и знала эти батареи лучше любого приглашённого сантехника.

Со стороны зала снова повысились голоса. Вера подошла к дверям.

На часах было одиннадцать минут седьмого.

Представитель отдела культуры обещал, что предложения жителей будут учтены. Руководитель танцевального коллектива требовал объяснить, куда денутся станки и зеркала. Марина отвечала уже не так ровно, как в начале.

Лидия сидела на своём месте у прохода. Хозяйственная папка лежала у неё на коленях.

В четырнадцать минут седьмого к ней наклонилась Зоя Семёновна. Лидия выслушала её, поднялась, что-то коротко сказала Марине и ушла тем же боковым проходом — к служебной двери и коридору, откуда можно было подняться к методической.

Вера решила, что опять понадобились ключи или тряпка. В таком здании человек, отвечающий за хозяйство, мог исчезнуть на десять минут и вернуться с лампочкой, актом или ведром. Никто не спрашивал, куда именно он ходил.

Павел тоже не сидел на месте. Он то подходил к усилителю, то уходил за кулисы. Женщина из управления имуществом вышла ответить на звонок. Двое хористов поднялись наверх за забытыми папками. В вестибюле хлопнула наружная дверь.

Вера посмотрела на часы: восемнадцать семнадцать.

Место Лидии у прохода пустовало.

Вера вдруг вспомнила слова Ремезова: ничего не менять в предоставленном комплекте. Следовало спросить Лидию прямо, что та имела в виду перед собранием. Но спрашивать в дверях, среди людей, было глупо. После выдачи они останутся вдвоём, тогда и поговорят.

В восемнадцать двадцать Марина объявила, что принимает ещё два вопроса. Зал ответил сразу шестью.

Лидия всё ещё не вернулась.

Вера поискала её взглядом у стены, возле сцены, у стола с водой. Не увидела. Потом кто-то подал жетон, и пришлось идти к крючкам.

Женщина получила длинный пуховик, надела его, не отходя от стойки, и стала искать перчатки по всем карманам. За ней образовалась очередь из трёх человек.

— Отойдите, пожалуйста, если не нашли, — попросила Вера. — Другим тоже нужно одеться.

— Они точно были здесь.

— Проверьте сумку.

— Я всегда кладу в правый карман.

Перчатки оказались в сумке.

Когда очередь разошлась, часы показывали двадцать две минуты седьмого.

Со служебной лестницы спустился Олег. Вера сначала услышала неровный шаг, потом увидела его в боковом дверном проёме. Сумку с нотами он держал перед собой обеими руками. На нижней площадке остановился и оглянулся вверх, на лестницу, по которой только что спустился.

— Вы чего? — спросила Вера.

Он не ответил. Возможно, не расслышал. Подошёл ближе, поправил слуховой аппарат и взглянул на часы.

— Машина уже подъезжает.

— Вы будто заблудились.

— Нет. Я дорогу знаю.

— Тогда что случилось?

Олег посмотрел мимо неё, на боковую дверь.

— Ничего. Там темно просто. Лампа у стенда мигает.

— У вас аппарат опять свистит.

— Это от шапки будет хуже.

Он говорил рассеянно и всё поглядывал на телефон. На экране двигался значок машины.

— Задержались наверху? — спросила Вера.

— На лестнице.

— Почему?

Олег нахмурился, будто вопрос был лишним и требовал времени, которого у него не осталось.

— Потом, Вера Андреевна. Если там вообще есть что рассказывать. Пальто, пожалуйста. Водитель уже на площади.

Он положил на стойку жетон шестьдесят четыре.

Вера взяла его и обернулась к ряду.

Над одним из двух похожих пальто висел бумажный номер «64». Она сняла вещь вместе с плечиками. Свет был тусклым, очередь снова подходила, а Олег уже просовывал руку в рукав.

Проверить маленькую бирку на плечиках заняло бы несколько секунд.

Вера не проверила.

Пальто село ему на плечи чуть плотнее обычного. Она заметила это, но решила, что мешает сумка, зажатая под локтем.

— Вторую руку, — сказала она.

— Сам.

— Так вы подкладку потянете.

Она придержала рукав. Олег попал рукой не сразу, дёрнул плечом и застегнул только верхнюю пуговицу.

Штопка под воротником оказалась сзади, скрытая его шарфом. Внутреннего кармана Вера не видела.

— Не тесно? — спросила она.

— Свитер толстый.

Телефон у него зазвонил.

— Да, иду. Белая, вижу.

Олег подхватил сумку и направился к выходу.

— Шапку забыли!

Он вернулся на два шага, взял с лавки вязаную шапку, натянул её поверх аппарата и поморщился от короткого писка.

Через стеклянные двери Вера увидела белую машину у края площади. Олег вышел под мокрый снег, открыл заднюю дверь и сначала поставил внутрь сумку.

В зале Марина объявила, что вопросы можно будет направить письменно. Люди начали вставать, и Павел первым подошёл к стойке. Лицо у него было серым от усталости или злости. Он положил жетон сорок шесть.

Вера повернулась к секции и сняла оставшееся серое пальто из пары. Бумажный номер над ним был «46».

За стеклянной дверью Олег ещё устраивался на заднем сиденье; белая машина стояла у края площади.

Павел даже руки не протянул.

— Это не моё.

— Ваш жетон сорок шесть.

— Я вижу, что на жетоне. Пальто не моё.

— Цвет тот же.

— И что?

Вера вынесла вещь ближе к свету. Воротник был гладкий, без штопки.

Холод прошёл у неё по спине быстрее сквозняка.

Она раздвинула полы и нашла внутренний карман. Короткая молния.

Олегово.

— Подождите, — сказала она.

— Чего ждать? Моего нет.

— Не шумите. Сейчас проверю.

— Я не шумлю.

Он говорил негромко, но люди возле стойки сразу повернули головы.

Вера посмотрела на бумажные номера. Над пустым крючком висела цифра «64». На оставшихся плечиках маленькая бирка показывала шестьдесят четыре.

Значит, с пустого крючка она сняла плечики сорок шесть.

Значит, Олег уехал в Павловом пальто.

Вера почувствовала, как в правом колене сказалось долгое стояние. Она опёрлась рукой о край стойки.

— Я выдала его по ошибке, — сказала она тихо.

— Кому?

— Олегу Михайловичу. Они рядом висели.

— Вы моё пальто Ермолаеву отдали?

— Он вернёт.

— Когда?

— Сейчас позвоним.

Она достала телефон, но номера Олега у неё не было. Номер был у руководителя хора, тот ещё находился наверху или уже ушёл через служебный выход.

— Лидия! — позвала Вера.

Ответа не последовало.

Павел взял чужое пальто за воротник, посмотрел на него и отпустил.

— Я это не надену.

— Вас никто не заставляет.

— Там документы были.

— Какие?

Он посмотрел на неё тяжело.

— Мои.

— Во внутреннем кармане?

— Да.

Вера хотела спросить, застёгивал ли он карман на кнопку. Спросить, не оставил ли что-нибудь ещё. Вместо этого сказала:

— Пальто найдётся. Олег не уедет из города.

— Очень утешает.

Он всё ещё держал жетон сорок шесть. Пальцы у него были в тёмных следах машинного масла, въевшегося в кожу. Вера знала, что до дома ему пешком минут двадцать, а на улице мокрый снег.

— Возьмите пока мою куртку из подсобки, — предложила она. — Она широкая.

— Не надо.

— Простынете.

— Это тоже потом будете исправлять?

Резкость была заслуженной, и оттого Вера ответила быстрее, чем следовало:

— Если бы вы не устраивали здесь скандал, все бы расходились спокойнее.

Павел побледнел.

— Моё пальто вы отдали не потому, что я спорил.

Вера сразу поняла, что сказала глупость.

— Не потому, — признала она. — Номера перепутаны после ремонта. Я знала.

— Знали?

— Маленькие бирки правильные. Я должна была сверить.

— Но не сверили.

— Нет.

Он отвернулся.

У дверей зала появилась Лидия с папкой под мышкой и стала направлять поднявшихся людей к дальнему выходу.

— Где ты была? — спросила Вера, когда та подошла ближе.

— Зоя ключ от кладовой искала.

— Нашли?

— У неё в кармане оказался. А где ему ещё быть?

Лидию позвали из зала, и она отошла.

Женщина из управления имуществом, уже в застёгнутом пальто, остановилась возле Марины.

— Мне нужен хотя бы предварительный перечень замечаний Ремезова, — сказала она. — Иначе завтра опять начнём с нуля.

— Он заканчивает записи в методической, — ответила Марина. — Сейчас позову. Заодно заберу папку: оставлять её на ночь нельзя.

Она посмотрела на часы, затем прошла мимо гардероба к узкому боковому проходу.

— Лида, ты потом проверь, чтобы служебные двери закрыли, — бросила она на ходу.

Лидия отозвалась из зала:

— Проверю.

Вера снова взялась за телефон. Нужно было найти руководителя хора, узнать номер Олега, объяснить ошибку без лишних слов. Павел стоял напротив, не уходил и не выпускал жетон из руки.

Из служебного коридора донёсся короткий звук — будто ножка стула ударила о пол.

Потом закричала Марина.

Крик был один, без слов. В зале сразу стало тихо, хотя там ещё оставалось человек десять.

Лидия первой бросилась к боковой двери гардероба. Вера вышла из-за стойки следом, но Павел оказался ближе и придержал дверь. Они вошли в служебный коридор и поднялись по служебной лестнице на второй этаж.

У методической стояла Марина. Одной рукой она держалась за косяк, другая была прижата ко рту.

— Не заходите, — сказала она. — Не надо… Лида, скорую. Быстро.

Дверь в комнату была открыта.

Ремезов лежал на полу между столом и стулом. Очки находились у ножки шкафа. Папка раскрылась, несколько листов выскользнули наружу. Шарф сбился набок.

Вера видела его неподвижную руку и край лица. Этого было достаточно, чтобы всё внутри у неё остановилось, хотя разум продолжал требовать действий.

— Вы пульс проверяли? — спросила Лидия, уже доставая телефон.

— Не чувствую. И дыхания… не понимаю.

— Громкую связь включи, — сказал Павел. — Адрес называй.

Лидия набрала номер. Ответили почти сразу.

— Площадь Речников, дом два, Дом культуры «Речник», — раздельно произнесла она. — Мужчина без сознания. Не реагирует. Вероятно, не дышит.

Диспетчер что-то спросил. Лидия передала телефон Марине.

— Он на полу, на спине… Нет, не падал при мне. Я его таким нашла.

Марина опустилась рядом с Ремезовым. Голос из телефона велел проверить дыхание, затем положить ладони на середину груди. Она подчинилась не сразу — на мгновение замерла, глядя на неподвижное лицо, — потом начала надавливать, считая вслед за диспетчером.

— Все назад, — сказал Павел.

На этот раз его послушали. Вера развела руки, оттесняя людей к лестнице.

— В зал. Не стойте здесь. Дайте пройти врачам.

Кто-то за её спиной заплакал. Кто-то спросил, что произошло. Никто не получил ответа.

Вера осталась у порога, не заходя в комнату. Через плечо Марины ей был виден стол. Старый письменный набор стоял у стены. Бронзовый пресс с волной и корабельным носом лежал рядом, почти там же, где находился днём, только был повёрнут носом к окну. Его поверхность казалась непривычно ровно вытертой; в углублениях возле волны ещё темнела пыль, а сверху металл был чистым.

На краю стола лежала смятая тряпка. Серая или просто потемневшая в тени — отсюда Вера не могла разобрать.

Она не приблизилась.

Марина продолжала надавливать на грудь Ремезова. Диспетчер считал вместе с ней и говорил не останавливаться до приезда бригады. Лидия держала телефон на вытянутой руке. Её лицо стало неподвижным и деловым, как при аварии отопления.

— Кто-нибудь встретит скорую? — спросила она.

— Я, — сказал Павел.

— Без пальто?

Он посмотрел на неё так, будто не сразу понял вопрос.

— Тогда я, — сказала Зоя Семёновна и побежала к вестибюлю.

Вера вернулась к гардеробу. Ноги двигались сами, выполняя привычный маршрут. Нужно было не выпускать людей через служебный коридор, освободить главный вход, записать, кто ещё оставался в здании. Нужно было найти номер Олега.

Было уже больше половины седьмого.

Павел стоял у стойки без пальто. В руке он по-прежнему держал жетон сорок шесть, стиснув его так, что ребро впилось в ладонь.

— Моё пальто исчезло, — повторил он.

Теперь это услышали все.

Глава 3. После сирены

Сирена оборвалась на площади, но ещё некоторое время звучала внутри здания — в дрожащих стёклах, металлическом хлопке дверей, голосах, которые сразу стали громче и бесполезнее.

Фельдшеры работали в методической недолго. Вера не видела, что именно они делали: полицейский отвёл всех за поворот служебного коридора и поставил у лестницы стул поперёк прохода. Стул был лёгкий, из кружковой комнаты, но переступать через него никто не решился.

Когда врач вышел и негромко заговорил со вторым полицейским, слово «смерть» никто не произнёс вслух. Оно всё равно прошло по вестибюлю раньше любого объявления.

Марина сидела на подоконнике, обхватив себя руками. На колене её жакета темнело мокрое пятно: она опустилась рядом с Ремезовым в воду, натёкшую с чьей-то обуви. Лидия стояла возле неё и машинально поправляла отвернувшуюся манжету кардигана.

Павел остался у гардеробной стойки. Пальто, которое он отказался надеть, висело под бумажной цифрой «46». Крючок под номером «64» был пуст, на нём покачивались деревянные плечики.

— Мне домой позвонить можно? — спросил Павел.

— Можно, — ответил молодой полицейский. — Из здания не уходите.

— Я без пальто и не собирался.

Вера услышала упрёк и отвернулась. Ей хотелось пройти за стойку, снять оставшееся пальто, повернуть плечики и показать то, о чём она уже сказала Павлу: его вещь ушла с Олегом, потому что номера сорок шесть и шестьдесят четыре переставлены.

Она знала об этом не теперь.

До собрания, принимая одежду, Вера заметила, что две временные бумажные цифры после ремонта прикреплены не к тем крючкам. Записала номера в тетрадь, собираясь переставить, когда схлынут люди. Потом Олег протянул жетон, такси уже ждало, и она сняла пальто с крючка, на котором снаружи стояло «64». Маленькую постоянную бирку на плечиках не сверила.

После крика Марины Вера не прикоснулась ни к пальто, ни к крючкам, ни к боковой двери. В методической стояла только у порога. Пресс, бумаги Ремезова и серую хозяйственную салфетку на столе она тоже не трогала.

Теперь это было единственное, в чём она могла поручиться за себя без оговорок.

Прибывшая женщина в короткой тёмной куртке показала удостоверение Марине.

— Следователь Сомова Елена Сергеевна.

Она говорила негромко, но после её появления полицейские перестали задавать вопросы одновременно. Служебный коридор перекрыли лентой, у боковой двери поставили сотрудника.

— Кто заходил в методическую после обнаружения? — спросила Сомова.

— Я, — сказала Марина. — Потом фельдшеры.

— До обнаружения?

— Не знаю.

— Что помните точно?

— Я вошла в восемнадцать тридцать пять. Перед этим посмотрела на часы. Дверь была прикрыта, но не заперта.

— К чему прикасались?

Марина закрыла глаза.

— К двери. Стул отодвинула ногой. Потом к Ремезову. Телефон взяла у Лиды, когда диспетчер велел освободить руки.

— Остальное расскажете отдельно.

Сомова повернулась к полицейским:

— Посетителей пока в зал. Сотрудников по разным помещениям. До опроса не обсуждать, кто где был.

— Людям на автобусы, — сказала Лидия.

— Запишите, кому куда. Будем отпускать по мере необходимости.

— Верхнюю одежду им хотя бы выдать?

— Сначала зафиксируем расположение вещей.

По вестибюлю прошёл общий тяжёлый вздох.

Вера шагнула к стойке.

— Мне рабочая тетрадь нужна. Она под столом справа.

— Сами не заходите, — остановила её Сомова. — Сотрудник сфотографирует и достанет при вас.

— Я там весь день хожу.

— Сегодня пока не ходите.

Вера осталась снаружи. Ей было неприятно видеть гардероб чужими глазами: потёртый край стойки, коробку с запасными жетонами, клубок шпагата и два соседних крючка с аккуратными неверными цифрами.

Сотрудник фотографировал ряды, ничего не поправляя. Под бумажным номером «46» висело Олегово пальто. На плечиках под ним была маленькая постоянная бирка «64». На пустом крючке, обозначенном бумажным номером «64», остались плечики с постоянной биркой «46».

Чтобы прочесть маленькие цифры, сотруднику пришлось посветить фонарём и сделать отдельные снимки.

— Здесь не совпадает, — сказал он Сомовой. — Бумажные номера переставлены относительно бирок на плечиках.

— Оба зафиксируйте общим планом и отдельно, — ответила она. — Пока ничего не снимайте.

Вера почувствовала одновременно облегчение и страх. Механизм ошибки уже не зависел от её признания. Он висел перед всеми: бумажное шестьдесят четыре над плечиками сорок шесть, бумажное сорок шесть — над плечиками шестьдесят четыре.

Оставалось выяснить не как она перепутала пальто, а когда поняла, что перепутает, и почему ничего не сделала.

Мысль оказалась такой постыдной, что Вера даже оглянулась: рядом умер человек, а она боялась двух цифр.

Из коридора доносились короткие рабочие слова: «общий план», «отдельно стол», «не перемещать». Один раз прозвучало «пресс», и Вера вспомнила бронзовый корабельный нос, утром повёрнутый к стене. Сверху лежала пыль.

Об этом она скажет. Это не касалось её ошибки.

Сомова вернулась из коридора.

— Кто заведует гардеробом?

— Я. Круглова Вера Андреевна.

— Нам потребуется установить маршрут пропавшего пальто. Вы сможете отвечать по времени?

— Если смотрела на часы — смогу. Если не смотрела, так и скажу.

— Именно так и нужно. Отделяйте точные воспоминания от предположений. Готовой версии у нас сейчас нет.

Павел поднял голову:

— Я точно помню, что моё пальто отдали другому человеку.

— Павел Викторович, до вас дойдём.

— Пока дойдёте, мне уже объяснят, что я сам его украл.

— Вам это кто-нибудь сказал?

— Пока нет.

— Тогда не будем помогать тем, кто ещё не успел.

— Вера Андреевна сама сказала, что номера перепутаны, — продолжил Павел. — И что она об этом знала.

Вестибюль на секунду стал тише. Вера почувствовала, как у неё загорелась шея.

Сомова перевела взгляд с Павла на неё, но выяснять при всех ничего не стала.

— Ваши слова зафиксируем отдельно. Само несовпадение номеров уже обнаружено и сфотографировано. Теперь нужно установить, когда оно возникло и кто о нём знал.

Для начала она попросила Павла описать сданную вещь и сразу предупредила, что полные объяснения каждый даст без остальных.

— Тёмно-серое пальто, — сказал Павел. — Под воротником штопка. Во внутреннем кармане документы мастерской и ключ.

— Жетон?

— Сорок шесть.

— Оставшееся пальто ваше?

— Нет.

— Вера Андреевна?

— Не его. У Павлова пальто переделан внутренний карман, застёжка перенесена. Здесь короткая молния. И штопки под воротником нет.

— Вы узнаёте оставшуюся вещь?

— Похожа на пальто Олега Михайловича Ермолаева. Он ушёл незадолго до этого.

— Хорошо. Теперь Павел Викторович останется, остальные выйдут.

Вера успела дойти до окна, когда за неплотно закрытой дверью голос Павла снова стал слышен. Слов было не разобрать, кроме отдельных: «моё оборудование», «не продавал», «предварительная цена». Потом он заговорил громче:

— Да, повысил голос. Нет, не угрожал.

Дверь закрыли плотнее.

Когда Павел вышел, лицо у него было жёстким. Сомова остановила его у порога:

— Последнее уточнение. Вы раньше получали доступ к методической или предметам экспозиции? В том числе без оформления?

Павел замер.

Прошлой осенью остановились бронзовые настольные часы. Лидия позвала Павла вечером; акта на передачу часов тогда не составили. Вера принесла лампу и видела разобранный корпус на столе, застеленном газетами. Павел провозился почти два часа, а Лидия сказала, что бумаги оформят задним числом.

Насколько знала Вера, не оформили.

— По оформленным работам — нет, — ответил Павел.

— А без оформления?

— Сегодня я туда не заходил.

— Я спрашиваю не только о сегодняшнем дне.

— Ключей у меня нет. И инструмент я там не держал.

Он ответил не на вопрос. После публичного спора, долгов и пропавшего пальто старый неоформленный ремонт складывался в слишком удобную картину.

Вера могла уточнить. Могла сказать, что сама приносила лампу и что Павла позвала Лидия.

Она не сказала.

Павла отвели в малую кружковую комнату. Из хозяйственного запаса ему принесли старую телогрейку. Рукава оказались коротки, и он несколько раз одёрнул их, прежде чем спрятать руки в карманы.

Лидию опрашивали следующей. Перед дверью она назвала должность и стаж так, будто представлялась комиссии:

— Бурова Лидия Петровна, заведующая хозяйством. Много лет в учреждении.

Пока дверь была закрыта, Верину рабочую тетрадь извлекли из-под стойки, вложили в прозрачную папку и подписали при ней. На последней странице стояла запись: «После собрания — номера 46/64».

Сотрудник зафиксировал раскрытую страницу и попросил Веру расписаться в изъятии. Сомова отметила положение записи среди соседних и отложила вопросы до отдельного опроса. Вера расписалась; пальцы у неё вспотели.

Лидия вышла минут через двадцать. Полицейский сразу указал ей на лестницу:

— В соседнюю комнату. С другими не разговаривать.

— Я поняла.

Без хозяйственной папки под локтем она выглядела непривычно. Правая рука искала занятие: поправила кардиган, застегнула карман, разгладила край манжеты. На Веру Лидия посмотрела, но ничего не сказала.

Марину опрашивали дольше. Дважды сотрудник выходил из директорского кабинета — сначала за перечнями имущества, потом за водой.

Наконец дверь открылась.

— Полный комплект документов сегодня собрать невозможно, — сказала Марина.

— Сегодня предоставьте то, что есть в здании, — ответила Сомова. — Остальное запросим. Ремезов обнаружил существенные несоответствия?

— Да. Но письменного заключения ещё не составил.

— Распоряжение о продаже имущества принималось?

— Нет. Готовился перечень для дальнейшей проверки и решений учредителя.

— Финансовый расчёт по зданию тоже понадобится. Все варианты.

Марина задержалась на полсекунды.

— Это предварительные цифры по оптимизации расходов.

— Включая возможное закрытие помещений и изменения по штату?

— Обсуждались разные варианты. Ничего не утверждено.

Вера вспомнила таблицу, которую мельком видела у Марины на столе: столбцы с площадями, расходами и какими-то процентами. Разобрать их она тогда не успела. Теперь пауза Марины показалась ей значительнее самих слов. Возможно, один из вариантов был хуже того, что директор озвучила на собрании. Возможно, Вера просто уже искала умолчание в каждом ответе.

За ней пришли сразу после этого.

Комната дежурного администратора была тесной: стол, два стула, шкаф со старыми афишами. На стене висел октябрьский календарь — ноябрьский никто не принёс.

Сомова положила перед собой чистый лист.

— Во сколько Ермолаев получил пальто?

— Около восемнадцати двадцати пяти. На это время у него было заказано такси.

— Вы видели машину?

— Да. Видела белое такси у входа и как оно уехало. На часы в ту минуту не смотрела.

— Жетон?

— Шестьдесят четыре.

— Что вы сделали?

— Сняла пальто с крючка, обозначенного бумажным номером шестьдесят четыре, и подала ему.

— Постоянную бирку на плечиках видели?

— Нет.

— Ермолаев осматривал вещь?

— Нет. Торопился. Я помогла ему попасть рукой в рукав.

— Сказал, что пальто чужое?

— Нет.

— После него подошёл Корнеев с жетоном сорок шесть?

— Да.

— И оставшуюся вещь не признал?

— Сразу сказал, что не его.

— Вы проверили пальто Ермолаева перед выдачей?

Вера сняла очки и протёрла чистые стёкла краем кофты.

— Я сверила жетон с бумажным номером крючка.

— Только это?

— Обычно этого достаточно.

Слово «обычно» прозвучало как просьба принять во внимание тридцать лет работы. Сомова не приняла и не отвергла.

— Значит, принадлежность вещи вы отдельно не проверяли.

— Нет.

— Сейчас установлено, что бумажные номера сорок шесть и шестьдесят четыре не совпадают с постоянными бирками. Корнеев сообщил, что вы признали перестановку и сказали, что знали о ней. В тетради у вас записаны те же два номера. Когда именно вы заметили несовпадение?

— Я уже сказала: не помню.

— До того, как выдали пальто Ермолаеву, вы видели конкретную ошибку?

— Я знала, что нумерацию после ремонта обновляли.

— Это не ответ.

— Я не могу сказать точнее.

Сомова ненадолго перестала писать.

— Можете или не хотите?

Вера надела очки.

— Не могу.

Теперь неправда была уже не маленькой. Она заняла место между ними и осталась там.

Сомова снова взялась за ручку.

— Кто крепил временные номера?

— Плотник после ремонта. Проверить и исправить их должна была я.

— Почему они временные?

— После ремонта стены и планки ещё не закончили. Старые обозначения частично закрыли. Бумажные собирались заменить.

— Постоянные бирки на плечиках сохранились?

— Да.

— Обычный порядок предусматривает их повторную сверку?

— При приёме — да.

— А при выдаче?

— Если есть сомнение.

— Сегодня сомнение было?

Вера выдержала паузу.

— Олег торопился. Люди шли из зала.

— Это описание обстановки, а не ответ.

— Я не сверила.

— Вы обычно выдаёте вещи правильно?

Вера вскинула голову.

— Конечно.

— Я спрашиваю потому, что нам нужно понять: это разовое нарушение обычного порядка или сам порядок ненадёжен.

— Порядок нормальный. За столько лет у меня не было пропажи.

Сказав это, Вера поняла, что защищает уже не порядок, а себя.

Сомова не стала спорить.

— Опишите жетоны.

Вера назвала форму, материал, потёртость цифр. Потом описала оба пальто: длину, цвет, воротники, расположение карманов. На расстоянии, в тусклом вестибюле, вещи можно было принять одно за другое. В руках — уже нет, если смотреть.

— В гардероб можно войти со стороны служебного коридора? — спросила Сомова.

— Да.

— Боковая дверь была заперта?

— Нет. После того как я пропустила Ремезова, не заперла.

— Кто-нибудь мог подойти к вещам без вашего ведома?

— Мог. Я не всё время находилась за стойкой.

— Кто заходил?

Вера вспомнила Лидию у батареи, скомканную салфетку в её руке.

— Лидия Петровна. Около шести. Сказала, что проверяет отопление.

— Вы видели, что она делала?

— Не всё время. Я придерживала дверь зала.

— Она могла подойти к рядам?

— Могла.

— Что было у неё в руках?

— Серая хозяйственная салфетка. В синюю клетку.

Сомова сделала пометку.

— Ещё кто-нибудь?

— Посетители стояли снаружи стойки. Со стороны коридора я никого не видела.

— Не видели или уверены, что никто не входил?

— Не видела.

— Теперь о методической. После обнаружения Ремезова вы входили?

— Нет. Стояла у порога.

— К чему-нибудь прикасались?

— Нет. Ни к прессу, ни к бумагам, ни к салфетке.

— Пресс раньше видели?

— Утром. Он был повёрнут иначе: нос корабля смотрел к стене. И сверху лежала пыль.

— В направлении уверены?

— Да. Насчёт пыли вечером могу ошибаться: свет плохой, я была у двери.

— Так и запишем.

Сомова переложила лист.

— Есть ещё несовпадение в показаниях. Павел Викторович утверждает, что после собрания во двор не выходил. Лидия Петровна говорит обратное.

Вера подняла глаза.

— Что именно она сказала?

— Что видела Корнеева у служебного входа. Он якобы вышел во двор и через короткое время вернулся. Был в сером пальто.

— Когда?

— Около восемнадцати двадцати восьми.

Слишком точно.

У служебного входа часов не было. Из окна виднелись тёмная стена соседнего корпуса и кусок двора. Телефон Лидия во время обходов обычно держала в застёгнутом кармане.

— Откуда она знает минуту?

— Предполагает, что посмотрела на телефон или на часы в вестибюле перед тем, как пошла в коридор. Точно источник времени не помнит.

— Но двадцать восемь помнит?

— Называет около восемнадцати двадцати восьми.

— Лицо видела?

— По её словам, сначала со спины, потом сбоку. Уверена, что это был Корнеев.

— А пальто?

— Тёмно-серое, похожее на его. Особых признаков не видела.

Рассказ был аккуратным. Лидия не утверждала, что разглядела штопку или переделанный карман. Только Павел, служебный вход, серое пальто и минута после отъезда Олега.

— Она могла ошибиться, — сказала Вера.

— Могла. Поэтому проверять будем и её показания, и слова Корнеева, и перемещения остальных.

— Павел сказал, что не выходил.

— Его слова не становятся точнее только потому, что противоречат чужим.

Сомова не объявляла его виновным. Даже не говорила, кому верит. Просто положила рядом два рассказа, которые не могли быть правдой одновременно.

— Перестановка номеров даёт понятное объяснение исчезновению пальто, — продолжила она. — Ермолаев мог получить вещь Корнеева по ошибке. Мы это уже зафиксировали и проверим по его словам, такси и самой вещи, если её найдём. Но показания Лидии Петровны относятся не только к пальто. Она утверждает, что видела самого Корнеева у служебного входа после отъезда Ермолаева. Поэтому его маршрут всё равно нужно проверять.

Вера кивнула.

Серое пальто перестало быть доказательством само по себе. Но в рассказе Лидии оно как будто раздваивалось: одно уехало на Олеге, другое осталось на Павле у служебной двери.

— Вы помните, во что Корнеев был одет после того, как обнаружил пропажу? — спросила Сомова.

— В рубашку и джемпер. Потом ему дали телогрейку.

— До этого вы видели его у служебного входа?

— Нет.

— Где видели после спора с Ремезовым?

— В вестибюле. Потом он отходил к окну. Я не следила за ним всё время.

— Так и запишем.

Сомова протянула ей лист с записью объяснений.

— Прочтите внимательно. Если с формулировкой не согласны, исправим сейчас.

Вера читала медленно. В тексте было: «Точное время обнаружения переставленных номеров указать не может». Не «не помнит», не «не знает» — аккуратнее, чем она заслуживала.

Она поставила подпись.

Когда Веру вывели, оставшееся пальто готовили к осмотру. Сначала его ещё раз сфотографировали на крючке вместе с бумажным номером и постоянной биркой на плечиках. Потом сотрудник в перчатках снял пальто и переложил на покрытый чистой бумагой стол.

Вера стояла за лентой. Ей хотелось предупредить, чтобы не тянули за воротник: прокладка там рыхлая. Она промолчала.

Из наружного кармана достали сложенный автобусный график, бумажную салфетку и футляр с запасной батарейкой для слухового аппарата. Во втором лежали карандаш и две леденцовые обёртки. Во внутреннем коротком кармане на молнии оказались карточка магазина и аптечная квитанция на имя Олега Михайловича Ермолаева.

— Само пальто узнаёте? — спросил сотрудник.

— Теперь да. Олегово. По карману, воротнику и размеру. И квитанция его.

— Не подходите.

— Я не подхожу.

Павловых документов в карманах не было. Не было и предметов, похожих на вещи из экспозиции.

Пальто и содержимое карманов упаковали отдельно, обозначили и внесли в протокол. Вера расписалась только под своими пояснениями. Никто не предлагал ей выворачивать карманы или касаться изъятой вещи.

Оставшееся пальто принадлежало Олегу. Значит, почти наверняка Павлово уехало с ним. Перепутанные номера объясняли выдачу. Но они не опровергали рассказ Лидии: та утверждала, что позже видела у служебного входа самого Павла в другом сером пальто — или в том же, если Олег почему-то не уехал сразу.

Номер Олега нашли у руководителя хора. Телефон оказался недоступен; по адресу отправили сотрудников.

— Он мог снять слуховой аппарат и не услышать, — сказала Вера.

— Это вы знаете или предполагаете? — спросила Сомова.

— Он говорил, что дома иногда снимает. Почему сейчас не отвечает, не знаю.

— Хорошо.

Лидию провели с верхнего этажа подписывать передачу хозяйственных ключей. Рядом с Верой сидела Зоя Семёновна, ожидавшая разрешения позвонить сыну.

Поравнявшись с ними, Лидия тихо сказала:

— Я всё рассказала, как было. Лучше бы Павла у служебного входа не видела, но промолчать было бы хуже.

— Павла? — вскинулась Зоя Семёновна.

Полицейский сразу остановился.

— Лидия Петровна, вас предупреждали не обсуждать показания.

— Я только Вере…

— Этой фразы достаточно. Пройдёмте.

Лидию увели в дальний кабинет и больше в вестибюль не возвращали.

Но сказанного хватило. Зою Семёновну пересадили к другой стене, потом повели записывать адрес вместе с двумя посетительницами. Через несколько минут Вера услышала уже изменившийся рассказ:

— Лида Павла снаружи видела.

— После такси?

— Говорят, после.

— А он будто бы без пальто остался.

— В сером был, значит, не остался.

Никто не мог назвать источник последней подробности. Она сама пристроилась к известным словам.

Потом добавились публичный спор и долги, о которых Павел сообщил на опросе и которые кто-то, видно, услышал у двери.

— Корнеев при всех кричал.

— Деньги ему нужны.

— Вышел через служебную дверь и вернулся.

— А потом заявил, что пальто пропало.

— Чтобы искали не там.

Версия росла быстрее фактов. В ней Павел уже не сидел один в короткой телогрейке, а заранее придумывал, как обмануть всех.

— Никто ничего не установил, — сказала Вера. — Не разносите.

— Мы между собой, — отозвалась Зоя Семёновна.

— Между собой быстрее всего и разносится.

Полицейский развёл их по разным сторонам вестибюля.

Факты уже зафиксировали: переставленные номера, Олегово пальто на крючке, слова Павла о её признании. Но слух выбрал рассказ Лидии — Павел после такси, у служебного входа, в сером пальто.

Вера могла прояснить хотя бы собственную часть, признав, что заметила перестановку до собрания и не сверила постоянную бирку. Вместо этого она решила дождаться утра: найдут Олега, вернут пальто, и тогда можно будет исправить показания без толпы и пересудов.

Одна ошибка гардероба не должна была повредить Дому культуры в день, когда и без того решалась его судьба. Мысль звучала разумно, пока Вера не смотрела на Павла в чужой телогрейке.

Около девяти людей начали отпускать небольшими группами, записав телефоны и адреса. Павла оставили для дальнейших вопросов. Он прошёл мимо Веры в чужой телогрейке и не посмотрел на неё.

Марина задержалась у директорского кабинета.

— Завтра учреждение, скорее всего, не откроют. Ждите сообщения. Занятия переносятся до отдельного уведомления. Никаких комментариев в городские группы.

Даже смерть она сообщала языком расписания. Вера не могла её упрекнуть: сама весь вечер думала о крючках, тетради и о том, кто закроет гардероб.

Когда вестибюль почти опустел, Вера ушла, так и не исправив подписанное объяснение.

Глава 4. Чужое пальто

Телефон зазвонил, когда Вера стояла у входа в «Речник» и объясняла молодому полицейскому, почему от стойки до боковой двери три шага, а обратно иногда пять.

Её вызвали уточнить схему гардероба, но внутрь пока не пускали. За запертыми стеклянными дверями виднелись пустая стойка и лента поперёк служебного прохода. На одном стекле ещё висело вчерашнее объявление о собрании, на другом Марина приклеила новое — об отмене занятий.

— Круглова, — ответила Вера.

В трубке кто-то кашлянул.

— Вера Андреевна, это Ермолаев.

— Олег Михайлович, где вы?

Полицейский поднял голову от планшета.

— Дома был. Сейчас собираюсь к вам.

— Почему телефон не отвечал?

— Разрядился. Я его в карман оставил, а карман, выходит, не мой.

Вера взялась за холодный поручень.

— Что значит «не ваш»?

— Пальто чужое. Вчера выдали. Я только дома понял.

— Опишите.

— Серое, подлиннее моего. Рукава почти как раз, поэтому сразу и не заметил. Под воротником штопка тёмными нитками. И внутренняя застёжка не там.

— Какая застёжка?

— На кармане. У меня короткая молния под правой рукой, а тут кнопка выше и в сторону перенесена. Тянешься по привычке — попадаешь в пустое место.

Вера закрыла глаза.

Одной штопки было бы мало. Но длина, тяжёлая серая ткань, тёмная дуга под воротником и перенесённая застёжка складывались в пальто, которое она ремонтировала в конце октября.

Павел тогда потребовал поставить новую кнопку на прежнее место. Вера отказалась: подкладка там уже расползалась. Она укрепила карман изнутри и перенесла застёжку выше. Павел ворчал, что теперь будет промахиваться рукой.

— В карманах что-нибудь есть?

— Во внутреннем — плотный свёрток. Я не вынимал.

— Совсем?

Олег помолчал.

— Кнопку расстегнул, когда ключи искал. Увидел край тетради и что-то круглое, вроде старой рулетки. Пальцами задел, но не тянул. Свёрток не разворачивал.

— Почему сразу не позвонили?

— Ночью?

— Как только поняли.

— Потому что надеялся утром вернуть без городского праздника.

Сердился он не на неё. Он заранее защищал право на ошибку, словно его уже собирались лишить этого права.

— Когда вы заметили?

— Около половины десятого. По часам не смотрел. Поужинал, полез за телефоном — тут и понял. Телефон разрядился, ваш номер остался в моём пальто. Можно было соседку поднять, конечно. Но м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.